

Я — небовидец? —
Житель земли.
Муз очевидец,
Света и мглы.

Е. Чигрин

Четвёртая книга одного из самых загадочных и парадоксальных, а потому и одного из самых интересных, на мой взгляд, современных поэтов Евгения Чигрина называется «Невидимый проводник». В названии книги, как в закрытом ещё бутоне необычного поэтического цветка, который самым неожиданным образом открывается читателю, уже дан ключ к пониманию экзистенциальной сути поэзии Чигрина: нам предстоит путешествие не только по земному видимому миру, но и по невидимым просторам бытия и даже небытия. Таков бесконечный диапазон неисчерпаемо многоликого творчества Евгения Чигрина.

Книга состоит из восьми глав: «Старый кочевник», «Демоны водостока», «Барочный морфий», «Лампа над морем», «Музыка с листа», «Летающий мальчик», «Мойры глиняных флейт», «Сплошной сюжет». Восемь оригинальных алмазных граней, каждая из которых сверкает своими поэтическими открытиями и в то же время является частью единого творческого замысла «Невидимого проводника».

Что в первую очередь отличает Чигрина от многих других поэтов? Для него ни в жизни, ни в поэзии не существует запретных тем: земля и небо, тьма и свет, грех и святость существуют в неразрывном единстве и одинаково интересны автору: «Я живу между смертью и солнечным нежным огнем, где смятение стиха и греха неизменно в повторе...»

Смелость постижения и отражения разных измерений бытия у Чигрина ничем не ограничена, его поэтическая искренность завораживает.

Я в полусне иллюзий прикоснусь
К твоим губам, в которых счастье слепо
Грехопадением первым...Обернусь
На райский шум открывшегося неба...

(«Предновогоднее»)

Чигрин с чутким вниманием открыт всем явлениям жизни, которым он не торопится дать какую-то оценку, он просто переводит всё увиденное и прочувствованное на поэтический язык и делает это мастерски. По его собственным словам — рифмует земное и «небесное на русском». Умная интеллектуальная поэзия Чигрина легка и ненавязчива — он всегда оставляет в своих стихах простор для многотолкований, а значит, приглашает читателей к сотворчеству. Поэзия Чигрина — и есть тот «невидимый проводник» в ещё непознанные или не до конца раскрытые тайны бытия, постигать которые всем нам неизбежно приходится в одиночку. «Я сам почтальон одиночества» — говорит поэт, и этот образ у него сквозной, потому что его поэзия глубинно экзистенциальна: даже беря «на кончик пера» самые простые будничные вещи, Чигрин прежде всего повествует о существовании человеческой души во Вселенной — одинокой среди других душ и звёзд:

В личном небе я до рассвета буду скитаться
С маленькой лирой, с маленькой книжкой солнца и ветра.
От междометья до Ганимеда не с кем обняться:

Жёлтые звезды, полная полночь, музыка спектра.
В личном пространстве молодость-старость без сожалений
Я принимаю, что ещё делать? — если по звездам —
Столько скитаний!...

(«В личном небе я до рассвета буду скитаться...»)

Чигрин хорошо понимает, что главная миссия поэзии не в том, чтобы что-то объяснить, «проштамповать» однозначностью вывода, а прежде всего в том, чтобы разбудить сознание, всколыхнуть эмоцию, поджечь давно привычное новым видением, поразмышлять о том, «что значит накатившая минута» на просторах Вечности. Автор часто лишь задаёт вопросы, но не отвечает на них, лишь намечает движение поэтической мысли, но не продолжает его, давая нам возможность самим пройти ещё одной тропинкой бытиепознания и совершить свои открытия. Чигрин — поэт вопросительных знаков и многоточий, и это тоже его авторское «ноу-хау»: под внешним покровом вопрошающей невнятности — самые глубинные откровения.

Под стать Камилю в красных Будва — в карминных крышах,
как в раю.

В зонтах-медузах стынет бухта в рододендроновом краю.
Уже сентябрь зарезан финским... ну что-то типа. В Будве мгла.
На крепостной стене латинским начиркан месседж... Катера
И толстосумов жадных яхты — темнеют. Призраки в кольцо
Берут кого? Какой лайфхак и... — запустят местный ад в лицо?
С таким гуляешь в древнем месте и мнишь хтонических горгон:
От Посейдона эти вести? Ау, Овидий! Не силён
В «Метаморфозах». В Старом Свете медузы спрятаны в музей.
В ночное время мысль о смерти фантасмагорий злых сильней...
(«Под стать Камилю в красных Будва»)

Даже в доверительно исповедальных стихах Чигрина есть элемент отстранённой созерцательности пережитого, как будто поэт стремится уйти от личного к общечеловеческому, вселенскому. В предельно сжатой поэтической форме в нескольких строках Чигрин может рассказать о себе нечто такое, что отличает его от всех и в то же время узнаваемо для каждого из нас.

Жизнь, что бросала восторги, грызла орешки любви,
Солнце ловила губами, шхуне шептала «плыви»,
И пропадала в романсе, и защищала словарь,

И умудрялась в романе перелистнуть календарь,
И оживала звездой, и понимала волхвов —
Быстро устала... И стала — сгустком рифмованных слов.
(«Жизнь, что смеялась над турком, плакала в жестком кино...»)

Главное чигринское отличие от всех — или по крайней мере от многих — это то, что всё пережитое им не кануло бесследно в Лету, но стало творческим материалом для поэтической мастерской: «по локоть жизнь в стихе». Он и сам не скрывает, что превратил собственную жизнь в литературу — «жизнь прорастает в глаголах и рифмах простых». Поэт от многого отказался, но приобрёл то экзистенциальное богатство, которому в земном измерении нет цены. Преданность Чигрина поэзии абсолютна. И поэзия отвечает ему взаимностью.

Плывут миры, как будут плыть потом...
Штурвальный жизни с неба шлет приветы
И объясняет счастье на таком..
В который иммигрируют поэты.
(«“Огниво”, “Елка”... Сумерки. Снега...»)

Чигрин много размышляет о сути не стихосложения даже — стихоявления. О жизни «в придуманных словах и музах, обнимающих по праву» — мучающих «счастьем, как горем».

И об избранности судьбы поэта.
Пряное солнце глотаю под вечным инжиром,
Что говорю? Это — трудно и просто и не...
Рифмой свечусь и сливаюсь с неведомым миром,
И соловьев принимаю в своей тишине...
(«Смоква»)

Чигрин убеждён, что поэтическое слово — это его «невидимый проводник» не только здесь на «застеленной жизнью земле», но в иных пространствах после жизни. Поэтому Чигрин так много пишет о том, как сопрягается поэзия с мирами видимыми и невидимыми, как влияет на них, изменяет и преобразует.

Добровольческая муза
Зарифмует с глубиной
Жизнь, стекающую к Фебу...
Месяц меткою-клеймом

Что-то быстро пишет небу,
Становясь моим письмом..

(«В окрестностях маяка»)

Тема поэтического бытиятворчества — одна из центральных у Чигрина. Поэт всегда немного шаман, колдун, провидец, фантазёр и игрок в «карты ассоциаций»: он тасует их по своему желанию и творит новые и новые реальности образов и смыслов. В этом Чигрин — настоящий виртуоз. Его «стиховой неразбавленный спирт» порой крепок до головокружения и именно этим так притягателен: никаких повторов и общих мест, банальностей, перепевов общеизвестного. Всё по высшему разряду поэтической новизны. На Чигрина можно «подсесть», как на хороший алкоголь многолетней выдержки, открывающий новые области сознания — и ведь, действительно, сколько лет уже поэт «заключает эту жизнь в строфы», «смыкает рифмами», казалось бы, несоединимое: низкое и высокое, ироническое и трагическое, бытовое и космическое.

И яхта яхте говорит слова
На сленге моря, море курит трубки,
А в облаках наличие Божества —
Небесный царь рулит в небесной рубке...
Я выдумаю в снегодекабре
Похожую на яркий праздник деву,
Чтоб жизнь другую вылепить во мгле,
Поддавшись сочинительству и блефу.

(«Верченье вьюги, вспышки фонарей...»)

Приверженец творческой эклектичности, Чигрин не причисляет себя ни к каким поэтическим школам и течениям. Он наследник и продолжатель (но не подражатель!) того лучшего, что было создано его собратьями по перу в разные эпохи и времена. То он, как «мотылек словесного витья по Хлебникову крылышкует к свету», то ощущает себя одновременно «космонавтом постпушкинского слова» и «огоньком постблоковской поры», «посылая в другие столетья мейлы любви и целебную музыку дара».

Об оригинальном сплаве разных стилей и жанров в поэзии Чигрина можно написать целое лингвистическое исследование. Бесшабашно легко вкрапляет Чигрин просторечия, сленг и словечки-символы современного компьютерного мира в свои утончённо философские стихи. И эти часто неожиданные лексические обороты вовсе не тор-

чат из стихотворения, как шило из мешка, а становятся едва ли не главной изюминкой текста.

Я повторю который раз в году,
Не спотыкаясь на банальной фразе:
Сивилла не почешется в гробу,
Не выдохнет гречанка — мы на связи
По скайпу в наступающий четверг..
Сумбурность строчек. Вот и день померк
Ещё один... В подзорной трубке Феб —
Иллюзий Бог, которому до фени
Флэшбэк летучих рифм и тайный скреп? —
В нём сколько футов занебесной лени?

(«Просижен век на солнечной игле»)

Чигрину вообще очень удаются всякого рода поэтические эксперименты. Он не пытается искусственно вписаться в «новый век», «омолодиться» эликсиром виртуальной реальности с её новыми словесными кодами и терминами, заискивая перед читателями XXI столетия. У него это получается само собой — очень органично. Поэт и «свет старозаветных берегов держит руками» и зажигает «лампу над морем» современности. На сжатом пространстве стиха умещаются символы, образы и даже бытовые детали разных веков и культурных эпох, сшиваются воедино сон и явь, фантазии и реальность, юность и старость, бренность и бессмертие — да так мастерски, что и швов не отыскать. Без всяких сомнений Чигрин — яркий представитель нового глобального поэтического мира, подвижного жадной стирания границ — и жанровых, и стилистико-семантических. И поэтому в руках у него, несомненно, билет-проводник в будущее.

Ставят лайки «ВКонтакте» то старому сотнику, то
Неприкаянной птице, летящей в старинном пальто:
Вариант — в макинтоше, плаще, титулярной шинели.
В общем — всё как всегда: сочинитель на коде припух,
Словно бы очертил в ветхой церкви спасительный круг..
На запоре кондовые двери.

(«Голова сновидений»)

Но Чигрину мало сшивать эпохи и художественные стили — он пытается также синтезировать в своей поэзии разные виды искусств — прежде всего живопись и музыку. Традиционно многие стихи в «Невидимом

проводнике» посвящены французским импрессионистам — Писсаро, Синьяку, Маре, Сезанну — «все мы Сезанном нетленны». Это и не удивительно, ведь его собственная поэзия ярко импрессионистична, насыщена оригинальными образами, неожиданными метафорами — «светятся губы метафор, равно диадемы, лунной хозяйке ложатся на жёлтую грудь...»

Также и музыка — не меньший источник вдохновения для Чигрина. Поэт сам говорит о себе, что он «переводчик музыки в слова»:

Сплошная сарабанда от Маре:
Бемольный свет, прикосновенье пауз...
За окнами в тончайшей полумгле
Бездомье снега и рекой арт-хауз
Тех призраков, которые везде...
Я вижу их так явственно, что слово —
То висит в лучшей пустоте,
То говорит над рюмочкой спиртного.
Вздыхает бархатистый инструмент:
Живёт смычок над формой грушевидной,
Кругом шмелиный слышится акцент,
Лишь музыканта галльского не видно.

(«CD: сарабанда для виолы да гамба»)

Поэт обращается в своих стихах к известным композиторам, как к своим старым знакомым, с которыми хорошо скоротать зимний вечерок, поговорить о том о сём. А прежде всего — о сути жизни и искусства. Музыка Вивальди, оживающая на виниловом диске пластинки, уже ставшей в наше время атрибутом прошедшей эпохи, дарит вдохновение поэту, набирающему свои поэтические строки на экране компьютера, но всё это лишь условности формы.

Хоть выжми век, подобно тряпке, за эту музыку чернил...

Вивальди с лютнею в охалке в пластинке чёрной загрузил.

(«Диптих»)

Нотная «музыка чернил» перекликается с музыкой поэтических строк, написанных когда-то где-то другим поэтом чернилами — по старинке. Так переговариваются века. Так вместе грустят и радуются поэт и музыкант, легко выходя за пределы своих столетий в общее духовное пространство Вселенной.

Так торжествует искусство — невидимый проводник в бессмертие.